

Павел Сергушин
**Журбун говорит
«ффьо»**

**Инопланетная
философия**

Павел Анатольевич Сергушин

Журбун говорит «ффьо».

Инопланетная философия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72110512

ISBN 9785006720732

Аннотация

На далёкой планете Хрбргл живёт Журбун – мягкое, пульсирующее существо с семью полюсами чувств и пятью юнидотами, похожими на детей и воплощённое «почему?». В этих историях он не спасает галактики, не побеждает зло, он разбирается с пылью, молекулами, мыслями и внутренними бурями, знакомыми каждому, хоть мы и не из желе. Это фантастика не о будущем, а о настоящем. Не о других мирах, а о том, что происходит внутри тебя, когда ты вдруг забыл, зачем встал... но всё равно поставил чайник.

Содержание

ЧАСТЬ I: ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ	7
ГЛАВА 1: ЖУРБУН И ПЫЛЬЦА	9
ГЛАВА 2: ЮНИДОТЫ И КРИЗИС МОЛЕКУЛЯРНОГО СМЫСЛА	13
ГЛАВА 3: ОТКУДА БЕРУТСЯ ЮНИДОТЫ	17
ГЛАВА 4: ЧТО ИНОПЛАНЕТЯНАМ ИЗВЕСТНО ПРО ЛЮДЕЙ	20
ЧАСТЬ II: СТРАННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ	24
ГЛАВА 5: ПОЕЗДКА НА АЩНЁ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Журбун говорит «ффьо». Инопланетная философия

**Павел Анатольевич
Сергушин**

Редактор Ольга В.

© Павел Анатольевич Сергушин, 2025

ISBN 978-5-0067-2073-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«То ли плач, то ли любовь. Один звук – весь он».

Журбун

Аннотация

На далёкой планете Хрбргл живёт Журбун – мягкое, пульсирующее существо с семью полюсами чувств и пятью юнидотами, похожими на детей и воплощённое «почему?». В этих историях он не спасает галактики, не побеждает зло – он разбирается с пылью, молекулами, мыслями и внутренними бурями, знакомыми каждому, хоть мы и не из желе.

Это фантастика не о будущем, а о настоящем. Не о других мирах, а о том, что происходит внутри тебя, когда ты вдруг забыл, зачем встал... но всё равно поставил чайник.

Благодарности

Пользуясь возможностью, хочу выразить благодарность тем, кто был моим телепортом, чайником, и иногда даже – пинком в нужную сторону.

Спасибо **маме Татьяне** – за первую версию моего «почему».

Жене Ольге – за терпение, веру и все те дни, когда я был не Журбун, а просто ворчливый лепесток.

Детям Мише и Алёне – за ежедневные доказательства того, что юнидоты существуют и периодически залезают в холодильник моей души.

Александр И. (Биткоин) – за искру, из которой загорелся этот странный, тёплый цикл.

И особенно – **Славе Сэ**, нашему с Ольгой любимому писателю, чьи тексты научили меня слышать тишину, в которой живёт юмор, грусть и всё настоящее. Этот текст отчасти продиктован мне Славиним сердцем.

ЧАСТЬ I: ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ

Прежде чем понять галактику, нужно узнать, кто в ней живёт.

Эта часть – как первое прикосновение к чужому миру, который вдруг оказывается очень похожим на твой.

Мы знакомимся с Журбуном, существом из планеты Хр-бргл, с его юнидотами – воплощёнными вопросами,

и узнаём, как они появляются, живут, спорят и... смотрят на нас.

Да, на людей.

Потому что у них тоже есть учебники.

И там написано, что человек – это существо из костей, планов, запятых и странного чувства в животе, когда кто-то говорит:

«Я рядом».

С этой части всё начинается.

Здесь – пыльца, молекулы, любовь и недоумение.

А ещё первый взгляд на себя, будто ты в инопланетном зеркале.

ГЛАВА 1: ЖУРБУН И ПЫЛЬЦА

(или как великое космическое существо искало зарядку от пылесоса)

На планете Хрбргл, в секторе Гз-19, жила разумная форма жизни – Журбун.

Он был... ну, как бы это сказать... не «он», и не «форма», и не «жизнь», но давай считать, что так.

Журбун представлял собой семиполярную капельную структуру, которая шевелилась при мыслях и пела при стрессе.

се.

Он жил в пузыре с трёхмерной кухней, воспитывал пяти-
рых юнидотов (примерно как дети, но вечно в фазе «поче-
му?»)

и однажды столкнулся с трагедией масштаба галактики:

пылесос перестал всасывать пыльцу.

А пыльца на Хрбргле – это не просто пыль. Это экзистен-
циальный остаток от сна.

Если её не убрать, ты начинаешь вспоминать прошлые
жизни, а там, как известно, у всех долги и бывшие.

Журбун нёс пылесос (похожий на музыкальный камень
с щупальцем) по всей хате, ища зарядник.

Зарядник был в форме полупрозрачной анекдоты, но куда
он делся, не знал никто.

Он вопрошал пространство.

Он спрашивал у юнидотов.

Один из них сказал:

– А может, ты забыл, куда положил, потому что в прошлой
жизни ты был лягушкой?

Журбун издал грустное «ффьо», что на их языке означа-
ло:

«Я трижды был лягушкой. Два раза – по любви».

Тем временем в пузыре нарастала тревога. Пыльца скопилась.

Юнидоты начали флешбеки, один вспомнил, как был матерёшкой, другой, как ругался на почте Земли.

Это уже было серьёзно.

И вот, отчаявшись, Журбун полез под диван (в их понимании – в нефизическую плоскость между «вчера» и «ещё чуть-чуть»).

И нашёл зарядку.

В коробке с надписью «вещи, которые пригодятся, но не сегодня».

А под ней инструкция:

«Перед применением дышать. А потом уже всё остальное.»

Он дышал. Зарядил. Пылесос всосал прошлое.

Юнидоты вздохнули. Один из них поцеловал Журбуна в боковую мысль.

Все были живы. И чуть счастливей.

И с тех пор каждый раз, когда Журбун забывает что-то важное, он шепчет себе:

«Спокойно. Это не конец света. Это просто пыльца.»

Заряженно ваш, Журбун.

ГЛАВА 2: ЮНИДОТЫ И КРИЗИС МОЛЕКУЛЯРНОГО СМЫСЛА

*(или как выяснилось, что кашу можно не только есть,
но и понимать)*

Утро началось с фразы:

– Пап, а зачем мы состоим из молекул, если всё равно потом расстраиваемся?

Журбун открыл один из своих мыслеканалов. Потом другой. Потом ещё три. Никакой из них не дал чёткого ответа.

– Это ты с чего вдруг?

– Из учебника. У нас тема: «Молекулы и то, что они чувствуют».

Журбун вздохнул, как может вздохнуть только семипольная капельная структура, у которой на плите закипает чайник и паника.

Дело в том, что юнидоты – его пятеро чад – вошли в фазу вопросов.

А это не просто возраст. Это галактическая буря, только внутри тебя.

И если на один вопрос ты ещё можешь ответить («почему у нас нет углов?» – «потому что ты бы о них бился»), то на другие... увы.

– А если у молекул нет смысла, зачем они тогда объединяются?

– Почему мне хочется грустить, когда я вижу, как ты моешь посуду?

– Можно ли стать паром, если очень устать?

Журбун попытался вспомнить, что говорили древние.
И вспомнил старую поговорку:

«Молекула – не смысл. Но если сильно сжать, станет теплее».

Он усадил юнидотов в круг. Раздал каждому по ложке и по кусочку мёда.

– Смысл не в молекулах, – начал он. – А в том, как ты ими шевелишь.

– То есть?

– Вот мёд. Он – просто молекулы. Но когда ты его ешь и улыбаешься, он становится моментом. А моменты – это и есть смысл.

– Даже если он капнул на пол?

– Особенно. Потому что если мёд не жалко, значит, тебе хорошо.

Юнидоты посмотрели друг на друга. Потом на Журбуна. Потом на мёд.

Потом один сказал:

– Значит, когда ты на нас орёшь – это не молекулы гнева, а просто плохо прожитый момент?

Журбун замолчал.

Потом встал.

Налил чай.

Принёс тёплые тряпочки и обнял всех сразу.

Сразу пятерых.

– Простите, – сказал он. – Иногда я забываю, что вы не просто шум.

Вы – моя любимая молекулярная каша.

И с тех пор, когда кто-то в доме спрашивал:

«А есть ли смысл?»

в ответ звучало простое:

«Да. На кухне. Второй ящик слева.»

Молекулярно ваш, Журбун.

ГЛАВА 3: ОТКУДА БЕРУТСЯ ЮНИДОТЫ

(или почему иногда проще собрать вселенную, чем ответить на детский вопрос)

Всё началось с того, что один из юнидотов (кажется, тот, который состоит на 70% из шепота) спросил:

– Пап, а мы откуда?

Журбун замер.

Он не боялся смерти, тьмы, перебоев в пылесосе и даже математических снов,

но вот вопрос «откуда берутся дети» в любой части космоса звучит одинаково – как звуковой пинок в мир неловкости.

– Ну... вы как бы... материализовались, – начал он осторожно.

– Ага, – сказали юнидоты. – А ещё?

Журбун задумался. Глубоко. В себе.

Он вспомнил, как это было.

Как он сидел на тёплом боку планеты и мечтал, чтобы кто-нибудь рядом был,

не для пользы, не для логики, а просто – чтобы разлить чай и молчать в две чашки.

И вот – бах.

Пузырь расширился. Появилась форма. Потом – ещё.

Юнидоты. Один за одним.

Кто-то – как сон после каши.

Кто-то – как ошибка в рецепте, но милая.

Кто-то – как «ты точно моё, хотя я не знаю, как это получилось».

– Вы появились, когда я слишком сильно захотел, чтобы стало теплее, – наконец сказал он.

– А мама?

– Она хотела, чтобы вы были настоящие.

– А это как?

– Настоящее – это когда ты что-то обнимаешь, и оно отвечает. Даже если без слов.

Юнидоты задумались. Потом один сказал:

– А я думал, нас просто выдали вместе с пылесосом.

– Не исключено, – хмыкнул Журбун. – Но гарантия у вас бессрочная.

Они обнялись. Неловко, по-юнидотски: один ползком, другой хвостиком, третий просто пульсом.

С тех пор, если кто-то спрашивал:

«А ты откуда?»

юнидоты отвечали: «Из желания. С примесью каши. Мы были нужны – вот и появились».

Почти репродуктивно ваш, Журбун.

ГЛАВА 4: ЧТО ИНОПЛАНЕТЯНАМ ИЗВЕСТНО ПРО ЛЮДЕЙ

(или почему мы до сих пор не уверены, что «дело – это что-то хорошее»)

Однажды Журбун достал из антресоли Сферу Людозаписи.

Это была такая пульсирующая полка, на которой записывались воспоминания космоса о людях.

Полка жужжала, постанывала и периодически пускала пар. Это считалось нормой.

Юнидоты собрались вокруг, глазели и задавали вопросы, как только могут юнидоты:

всеми местами сразу.

Журбун включил первую запись.

Из неё вывалился человек.

Обычный. В шапке. С авоськой. С выражением лица «мне бы только дожить до пятницы».

– Это и есть они? – спросил один юнидот.

– Да, – сказал Журбун. – Существа удивительного типа. У них есть всё, но они почти всегда чем-то недовольны.

Вот что знали инопланетяне про людей:

– Утро для них начинается с отрицания.

– Будильник орёт, человек делает вид, что он – подушка. Потом всё-таки встаёт и идёт в бой с реальностью, вооружившись кофейной ложкой.

– Они делают странную вещь – «дела».

– Эти «дела» никуда не деваются, но люди упорно их делают. Снова и снова. Некоторые умирают, а «дела» остаются. Похоже, это религия.

– Они общаются ртом.

– Хотя уже есть глаза, жесты, мемы, и даже чай, но они всё равно говорят. Часто одновременно. Иногда – глупости. И всё равно хотят, чтобы их поняли.

– Они придумали «отпуск», чтобы жить так, как им нра-

вится.

– Но отпуска у них только две недели. Всё остальное – не жизнь, а «надо».

– Им нужно много любви. Но они редко об этом говорят.

– Потому что воспитание, гордость и ипотека.

– Они боятся одиночества. Но очень устают от людей.

– Поэтому у них есть «тусовки», на которых они делают вид, что всё хорошо, а потом идут домой и ложатся на ковёр – просто лечь. Не для сна, а чтобы вернуться к себе.

– Они считают слёзы слабостью. А мы – способом орошать душу.

– Но почему они такие? – спросил юнидот, который раньше думал, что «люди» – это порода домашних животных.

Журбун задумался.

– Потому что они... живут внутри времени, – сказал он. – И всё время чувствуют, что оно уходит.

А когда что-то уходит – ты начинаешь бояться, что не успеешь быть собой.

Юнидоты долго молчали.

Один даже присел на полку.

Другой налил чаю в чашку без дна. Это у них так – «*почеловечески*».

А Журбун добавил:

– Мы их любим. За то, что они хрупкие.

За то, что при всей странности – они ищут тепло.

И если к ним подойти не с правилами, а с одеялом, они

начинают мурчать.

С недоумением и нежностью, ваш Журбун.

ЧАСТЬ II: СТРАННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Обычное утро. Пока не началось...

Здесь всё вроде бы просто: дача (но не ваша), дети (но с вопросами космического масштаба), чайник (живой), и Журбун, который просто хотел немного тишины... и получил философский бунт из пяти сторон одновременно.

Герои этой части:

– Журбун бессменный,

– Прокрастий – дух «не сейчас»,
– Хандрошар – пыльная тоска с глазами,
– и, конечно, юнидоты, которые выключили папу
по ошибке (или нет?).

Это главы о тех днях, когда всё валится из рук.

Но потом оказывается, что так и надо было.

Потому что настоящее всегда странновато.

Особенно если в доме живут пульсирующие дети и чай
поёт песни о смысле.

ГЛАВА 5: ПОЕЗДКА НА АЩНЁ

(дача по-вашему... или почему космос – ничто по сравнению с дорогой на дачу)

Каждый год, примерно когда пыльца перестаёт быть романтичной, а становится липкой, Журбун говорит фразу, которую в их семье боялись даже чайники:

– Надо съездить на Ащнё.

Ащнё – это не просто слово.

Это зашифрованная вселенная, спрятанная в четыре произносимых буквы.

Произносить «Ащнё» с первого раза могут только молчаливые монахи или дети до года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.